

Л.В.Глобина (Полтава)

ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПАРТИТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Отношения “часть – целое” охватывают объекты всех уровней сложности, организуя их в разнообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур). Следует, однако, отметить, что данные отношения обследованы совершенно недостаточно как в предметном плане, так и в планах понятийном и семантическом. Представляется целесообразным за основу терминологических обозначений взять серию предложенных М.В.Никитиным наименований [1], но в несколько трансформированном виде согласно нашим представлениям об объёме данных понятий. Так, общее обозначение отношения “часть – целое” может аккумулироваться в терминах *п а р т о н и м и я*, *п а р т о н и м и ч е с к и е* отношения, обозначения понятия и имени части целого – в термине *п а р т о н и м* (от лат. *pars, partis f* – часть). В зависимости от свойства части по отношению к целому партоним имеет три разновидности: *п а р т и н о м*, *п а р т и т и в* (сильные партонимы); *к о н г л о м е р а т и в* (слабый партоним).

Объектом настоящего исследования является *п а р т и т и в н а я* лексика, которая объединена комплексом языковых характеристик, свидетельствующих о ее системной организации. Данная система включает круг субстантивных номинаций (232 ед.), идентификация которых осуществляется через идентификатор часть целого в значении “отделенный или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения” (например, *осколок, цитата*). Совокупность сем, определяющих данное значение, продуцируется в инвариантном компоненте “партитивность”, являющемся архисемой ЛСП партитивной лексики.

Исследования по теории лексико-семантических группировок [2] позволяют выделить сумму основных признаков, мотивирующих определение конкретной микросистемы как ЛСП: 1) представляет собой инвентарь элементов, имеющих семантическую общность, связанных между собой структурными отношениями, выполняющих в языке единую функцию; 2) способно члениться на ядро и периферию, имеет в своём составе определенное число микрогрупп; 3) характеризуется иерархической организацией составляющих его элементов; 4) имеет нечеткие, размытые границы между ядром и периферией, отдельными зонами периферии, различными микрогруппами; 5) осуществляет взаимодействие с другими ЛСП. Лексико-семантическое поле партитивной лексики является образцовой полевой структурой, так как обладает всеми ее признаками.

Я д р о ЛСП партитивной лексики, к которому относятся лексические единицы, составляющие лексико-семантическую микрогруппу "Общие названия части целого", обладает существенной особенностью, выражающейся в его делении на центр /*часть*¹/, собственно ядро /*доля*¹, *остаток*¹, *частица*¹, *порция*¹/ и особую, слабую, так называемую "анемичную" (термин Е.Ю. Ковалева [3]) зону /*образец*¹, *образчик*¹, *проба*², *толика*, *долька*, *остаточек*, *остача*, *частичка*/. Определяющие черты ядерных элементов поля – абстрактный характер содержания и широкая сочетаемость. Центр и собственно ядро составляют наиболее многозначные слова, поэтому частотность партитивных значений, имея высокие абсолютные показатели (*часть*¹ – 204 , *доля*¹ – 32, *остаток*¹ – 85, *частица*¹ – 11, *порция*¹ – 48), тем не менее ниже частотности самых частотных конститuentов ближней периферии, для которых партитивное значение является основным и которые выполняют данную функцию однозначно (ср. *кусок* – 788, *осколок* – 125). При рассмотрении внутригрупповых структурных отношений выявлено, что

элементы собственно ядра *остаток*¹, *частица*¹, *порция*¹ могут считаться гипонимами по отношению к центру ядра гиперониму *часть*, а семемы *часть*¹ и *доля*¹ находятся в нулевой оппозиции, в связи с чем интерпретируются как синонимы. Лексические единицы "анемичной" зоны обладают невысокой частотностью (0 – 5) , но при этом, как центр и члены собственно ядра, имеют высоко абстрактное значение, что обуславливает потенциально широкую систему сочетаемости.

П е р и ф е р и я поля, включающая партитивы с конкретным содержанием, расчленяется на 9 лексико-семантических микрогрупп /парцелл/, семантика конstituентов которых дифференцирует значение инвариантных ядерных элементов на основе главного семантического признака – субстанциональной принадлежности референта :

1) "Часть предмета и/или монолитного вещества" /178 единиц: *обломок, обрубок, обрывок, лоскут, черепок, окурок* и др./ ;

2) "Часть волокнистого вещества" /13 единиц: *очески, паклина* и др./;

3) "Часть сыпучего вещества" /15 единиц/ ;

4) "Часть пастообразного вещества" /13 единиц: *сгусток* и др./ ;

5) "Часть жидкого вещества" /14 единиц: *капля, брызги* и др./ ;

6) "Часть газообразного вещества" /Ø единиц / ;

7) "Часть невещественной субстанции, чувственно воспринимаемой

человеком": текста, звука, движения, света и под. /9 единиц: *отрывок, выписка*² и др./ ;

8) "Часть невещественной субстанции, воспринимаемой человеком в абстрактных образах" / Ø единиц / ;

9) "Часть капитала" / 1 единица: *най* /.

Парцеллярная архитектура ЛСП партитивной лексики характеризуется неравномерностью в лексическом покрытии поля и диспропорцией между отдельными его частями. Наиболее объемной (77 % всех единиц)

и сложно структурированной является ЛСМГ "Часть предмета и/или монолитного вещества", которая располагает последовательной и четкой лексической репрезентацией, обусловленной наличием доминанты *кусок*, и занимает по функциональной значимости главное место в микроструктуре поля. Парцеллы "Часть волокнистого вещества", "Часть сыпучего вещества", "Часть пастообразного вещества", "Часть жидкого вещества", "Часть капитала", "Часть невещественной субстанции, чувственно воспринимаемой человеком" имеют признаки некоторой ослабленности лексического выражения (наличие зональных лакун, невысокое количественное наполнение). Лексико-семантические микрогруппы "Часть невещественной субстанции, воспринимаемой человеком в абстрактных образах" и "Часть газообразного вещества" можно считать феноменами микроструктуры партитивной лексики, так как их периферийный состав определяется как \emptyset с потенциальной возможностью иметь положительное число периферийных конститuentов через переносы значений из ЛСМГ данного поля или других полей.

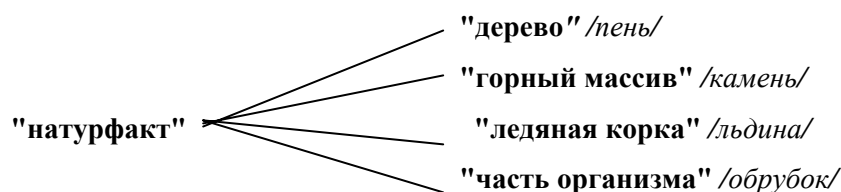
Между парцеллами находятся "области пересечения", что объясняется широкими референционными возможностями некоторых лексических единиц /например, *фрагмент* (чего?) *оперы, скульптуры ; хлопья*¹ (чего?) *снега, ваты; обрезок* (чего?) *бумаги, шерсти* /. Лексико-семантическую микрогруппу "Часть сыпучего вещества" составляют лексемы только данного вида.

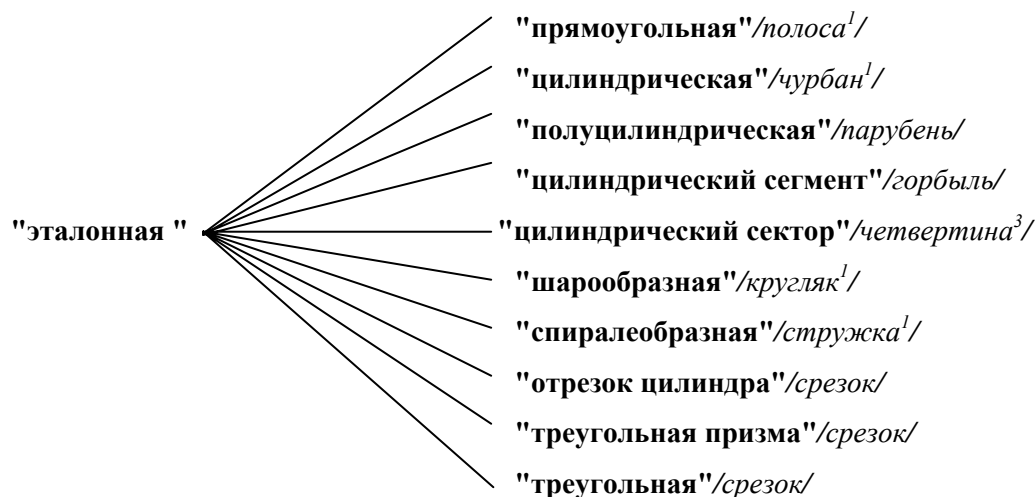
Процедура описания структурных отношений внутри парцеллы может быть продемонстрирована на ЛСМГ "Часть предмета и/или монолитного вещества", для которой релевантными представляются такие дифференциальные денотативные семантические признаки, как "вещество", "прототип" (объект действительности, от которого отделена данная часть – референт), "статус", "способ воздействия", "результат

воздействия", "фактура края по линии воздействия", "фигура", "форма", "размер". Каждый из перечисленных признаков включает набор семных конкретизаторов, парадигматически противопоставленных друг другу. Например:

- "вещество" ("древесина", "горная порода", "бумага", "пища", "ткань", "стекло", "жировое вещество", "лед", "металл", "кора", "тело", "табак", "горящее или раскаленное вещество", "неспециализированное");
- "прототип" ("артефакт", "натурфакт", "неспециализированный");
- "статус" ("отделенная /часть/", "оставшаяся /часть/");
- "способ воздействия" ("механический", "огонь", "вода", "повышение t^0 ", "комбинированный", "неспециализированный");
- "результат воздействия" ("отломленная /часть/", "отпиленная /часть/", "отрезанная /часть/", "отрубленная /часть/", "оторванная /часть/", "отколотая /часть/", "обкусанная /часть/", "обгорелая /часть/", "обмытая /часть/", "подтаявшая /часть/", "неспециализированная /часть/");
- "фактура края по линии воздействия" ("ровный", "неровный", "неспециализированный");
- "фигура" ("плоская", "пространственная", "неспециализированная");
- "форма" ("эталонная", "неэталонная", "неспециализированная");
- "размер" ("большой", "средний", "маленький", "мельчайший", "заданный", "неспециализированный").

Сема в нашей работе рассматривается как семантический компонент, который может быть как предельным, нечленимым, так и членимым – в зависимости от принятого уровня компонентного анализа [4,с.44]. Так, например, семные конкретизаторы "артефакт", "натурфакт", "эталонная" выступают, в свою очередь, как родовые по отношению к их составляющим:





Анализ коннотативного макрокомпонента значения семем является значимым, главным образом, при распределении их по зонам поля, поскольку задает количество периферизирующих сем.

Зональное распределение элементов, конституирующих ЛСП партитивной лексики, находится в зависимости от 3-х основных факторов: 1) уровня абстракции значения, 2) статуса архисемы поля в структуре значения семемы, 3) частотности употребления в речи.

К ближайшей периферии относятся высокочастотные единицы (диапазон частот 788 – 30) с относительно высоким уровнем абстракции, в структуре значения которых архисема поля "партитивность" является центром ядра /например, кусок; кусочек; капля, ком; клок², ломоть/.

К д а л ь н е й периферии относятся среднечастотные единицы (диапазон частот 30 – 4), в структуре значения которых архисема поля "партитивность" является центром ядра; дериваты от конститuentов ближней периферии; семемы с ядерной семой "партитивность", способной актуализироваться в коммуникативном акте /например, *огарок, льдина, цитата, пай; капелька, комок, клочок, ломтик; камень¹, вырезка³*./

К к р а й н е й периферии относятся низкочастотные единицы (диапазон частот 3 – 0), в структуре значения которых архисема поля "партитивность" является центром ядра; дериваты от конститuentов ближней и дальней периферии; семемы с периферийной семой "партитивность", наличие которой создает потенциальную возможность актуализации в условиях конкретного речевого акта /например, *довесок, сгусток; сколок¹(устар.), парубень(спец.); огарочек, льдинка, комочек, клочочек; вырезка⁴, филе¹*./

Представляется целесообразным также говорить о принадлежности к зоне крайней периферии поля некоторых партитивов, не фиксируемых словарями современного русского языка, но употребляемых современными носителями языка в художественной или разговорной речи с эмоционально-экспрессивными и стилистическими целями. К таким партитивам относятся:

1. Окаzionaliальные образования типа *крохотка, обрывышек* и др. Например: *А весна! Дышится легко. Это потому, что ничего кроме крохотки воздуха и клочка солнышка уже как будто и не надо* (З.Гареев. Семейный день); *Перепутанной и пьяной толчеей пронеслись сквозь его сознание какие-то обрывышки мыслей...* (К.Федин. Похищение Европы).

2. Устаревшая лексика типа *верешок, оскреток*, и др. Например: *Бр-рягз! – треск сверху. Огонек взметнулся, ослепил – на голову Марею какие - то верешки, оскретки – и конец: тьма* (Е.Замятин. Север); *И тогда на этом самом невинном снегу можно видеть оскретки стекол и*

прочей посуды (Е.Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурыгину).

3. Жаргонизмы типа *децилинка* и др. Например: */О куске торта/ Эту децилиночку вы мне оставили?* (Словарь молодежного жаргона).

Отдельно нужно сказать о лексических единицах, в структуре значения которых сема "партитивность" имеет особый статус. Отметим, что граница между понятиями "часть" и "целое" в значительной степени условна и относительна. Подвижность границ между понятиями "часть" и "целое" отражается в системном значении лексических единиц. Здесь выявлено три позиции:

1. Сема "партитивность" является дизъюнктивной архисемой (например, семемы типа *стекляшка*¹, *вырезка*³, *железка*¹ реализуют свое значение либо как "предмет", либо как "часть предмета" (словарная дефиниция: **СТЕКЛЯШКА**. 1. Маленькая стеклянная вещьца или кусочек стекла (Ож.));
2. Сема "партитивность" характеризуется как основная, так как включается в словари и отражает наиболее существенные признаки денотата (например, семемы типа *камень*¹, *луб*², *слеза* с архисемой "вещество" ("материал"));
3. Сема "партитивность" может быть скрытой семой (по характеру выявленности в структуре значения). Примерами могут служить семемы типа *вырезка*⁴, *филе*¹ (словарная дефиниция: **ВЫРЕЗКА**. 4. *Кулин*. Верхняя, самая мясистая часть филея (БАС)).

Частотность таких партитивов будет определяться количеством актуализированных в акте речи партитивных значений. Так, из 500 зафиксированных нами словоупотреблений семемы *камень*¹ – с ярким партитивным значением отмечено 15. Ср.: *Некогда это был славный порт и город Ирода; теперь только пески, **камни** и колючий кустарник...* (И.Бунин. *Шеол*). В составе актуализированного ядра усилена архисема "вещество". *От утеса взявши **камень**, Он слепил из камня трубку И на ней*

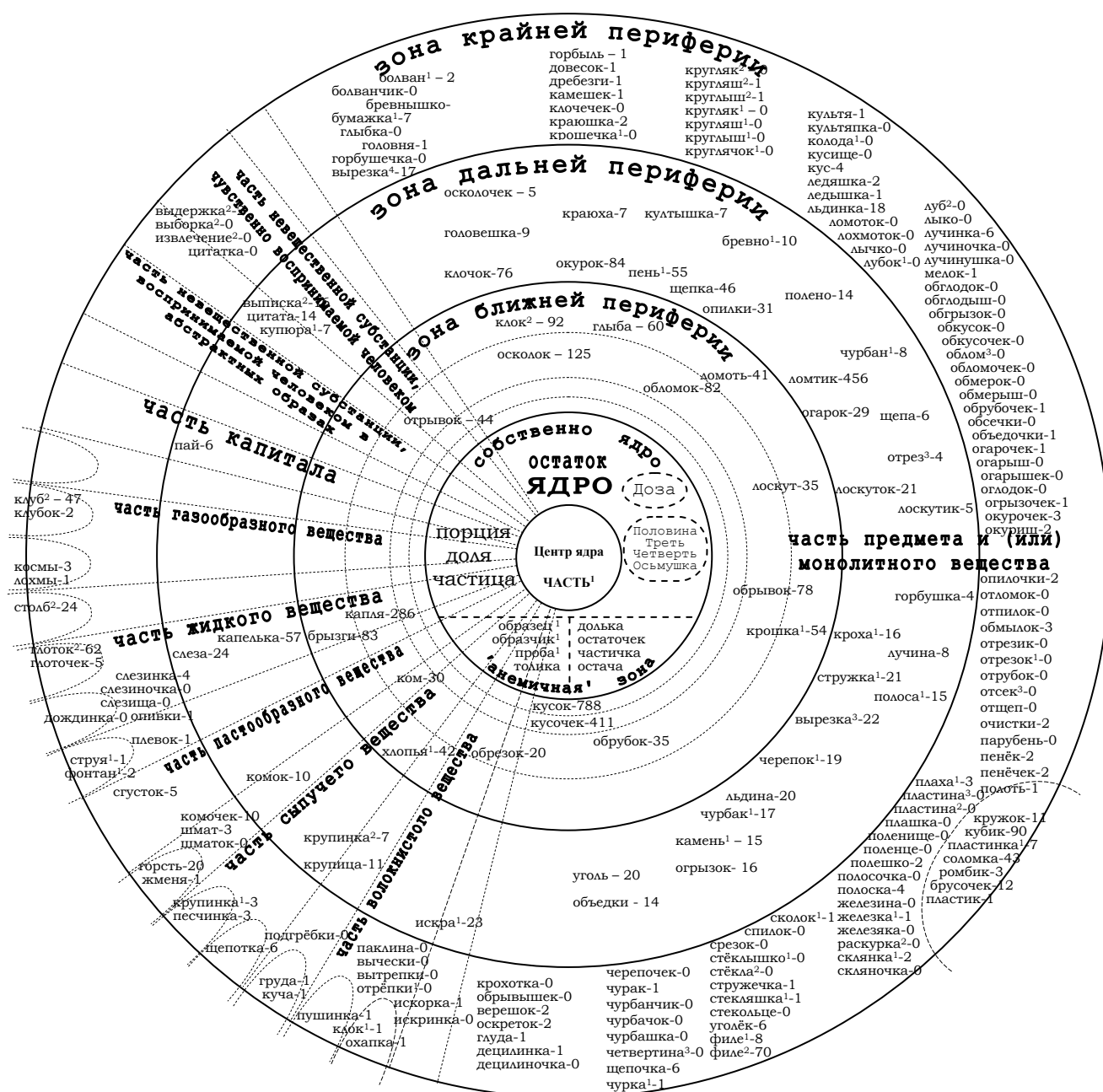
фигуры сделал (И.Бунин. Песнь о Гайавате). В составе актуализированного ядра усилена дифференциальная сема "партитивность".

Таким образом, в семной структуре некоторых партитивов сема "партитивность" может не являться центром ядра значения, а на правах дизъюнктивной архисемы, основной или скрытой семы квалифицироваться как ядерная или периферийная. Согласно теории разграничения ядра и периферии значения, всегда будут относиться к ядру значения архисема и основные семы. К периферии всегда относятся неосновные семы, вероятностные, диспозициональные и скрытые семы. Остальные типы сем могут в равной мере принадлежать как ядру, так и периферии значения [4, с.83].

Как показал материал исследования, разделение полевого пространства не укладывается в рамки традиционного членения по 3-м зонам (ближней, дальней, крайней): внутри ближней периферии как наиболее компактной и обозримой из зон прослеживается градация 4-х иерархических уровней, или позиционных линий. О нефиксированности, "диффузности" межзональных границ свидетельствует наличие единиц, занимающих промежуточное положение в структуре поля (группа слов-исключений *окурок, пень, щепка, крошка*¹ с частотным и сочетаемостным показателями зон ближней и дальней периферии).

Количественное ранжирование семем по зонам дает основание считать ЛСП партитивной лексики системой, элементы которой тяготеют к периферии (ядро насчитывает 13 единиц, ближняя периферия – 17, дальняя – 42, крайняя – 160). Общее соотношение ядра, ближней, дальней и крайней периферии соответственно 6% : 7% : 18% : 69%. Таким образом, налицо общая закономерность структуры лексико-семантических полей – значительное преобладание периферии в целом над ядром (95% : 5%). Крайняя периферия намного превосходит по количественному составу другие области поля (70% : 30%). Наиболее частотная лексика

Таким образом, лексико-семантическое поле партитивной лексики обладает структурой, которую можно эксплицировать в виде семантической модели, укладывающейся в рамки полевой концепции языка (см. эскизную модель):



С точки зрения типологии полей лексико-семантическое поле партитивной лексики определяется как первичное, моноцентрическое, так как включает лексику предметно-понятийного типа, объединенную денотативной семой "партитивность"; имеет четко выраженную доминанту *часть*, находящуюся внутри поля и задающую иерархический характер структурных отношений.

Существование данной полевой структуры обусловлено парадигматическими связями между конституентами поля, основанными на принципе идентичности содержания ядерных сем [5] и включающими достаточно ограниченное число видов (нулевые, эквивалентные, привативные оппозиции бинарного и многочленного характера).

Экспериментальное ранжирование лексем поля, дополняющее логический и частотный критерии, позволило объективировать распределение единиц в структуре поля и подтвердить психологическую реальность иерархической организации данной микроструктуры. Из списка партитивов были выделены три группы элементов :

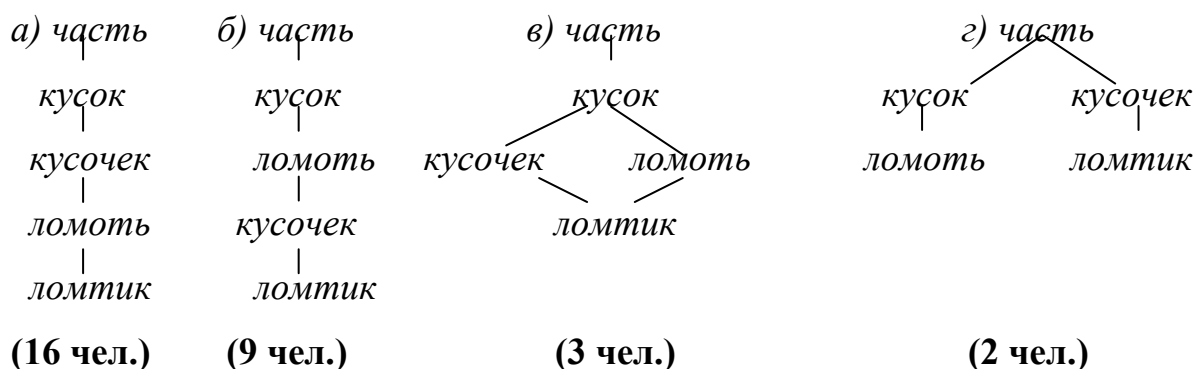
группа 1 : *часть, остаток, огарок, огарочек*;

группа 2 : *часть, частица, капля, капелька, дождевка* ;

группа 3 : *часть, кусок, кусочек, ломоть, ломтик*.

Выделение групп происходило таким образом, чтобы каждый из элементов принадлежал отдельному уровню иерархии, то есть обладал бы большей или меньшей степенью абстракции по отношению к остальным элементам группы. В каждой из трех серий экспериментов информантам последовательно предлагались карточки с написанными словами одной из групп с устной инструкцией расположить их по вертикали таким образом, чтобы на верхнем уровне помещалось наиболее общее, по мнению экспертов, слово. В эксперименте приняли участие 100 человек – носителей русского языка, причем отбор интервьюированных производился с учетом представленности ими разных возрастов, разного

социального статуса и образования. Подавляющее большинство информантов поставило на первое место слово *часть* (в группе 1 – 71 чел., в группе 2 – 66 чел., в группе 3 – 63 чел.). "Правильно" расположили все слова в группе 1 – 44 чел., в группе 2 – 33 чел., в группе 3 – 30 чел. Цифра "30" складывалась из 4-х вариантов:



Если бы предлагаемые экспертам слова, объединенные в группы, не осознавались как относящиеся к разным уровням иерархии (т.е. обладающие различной степенью абстракции), то мы должны были бы получить равномерное распределение "голосов" экспертов при постановке каждого из элементов на каждый уровень иерархии. Эксперимент показал обратное, что, несомненно, свидетельствует об иерархической организации поля, закрепленной в нейрофизиологических структурах мозга. Результаты эксперимента хорошо согласуются с данными аналогичных экспериментов [6].

Ссылки и примечания

1. Н и к и т и н М. В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
2. В а с и л ь е в Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 106 – 111; У ф и м ц е в а А. А. Лексика // Общее языкознание : Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С. 394 – 455; Д о л г и х Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филологические науки. – 1973. – №1. – С. 89 – 98.; Щ у р Г. С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 254 с.; К а р а у л о в Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. –

- 355 с.; Д е н и с о в П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Русский язык, 1980. – 253 с.; Ф и л и н Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – С.227 – 239.; S c h i p p a n Т. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibliographischen Institut, 1984. – 307 S.; К у з н е ц о - в а Э. В. Лексикология русского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 215 с.; Полевые структуры в системе языка / Под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 197 с.; Н о в и к о в Л. А. Семантическое поле // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997. – С. 458 – 459. Д е н и с е н к о В. Н. Семантическое поле как функция // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С.44 – 52. К е з и н а С. В. Семантическое поле как система // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 79 – 86 и др.
3. К о в а л е в Е. Ю. Национальная специфика лексической группировки (на материале лексического поля “Металлы” в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1993. – 20с.
4. С т е р н и н И. А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.
5. Г о л ь д б е р г В. Б. Контрастивный анализ лексико-семантических групп (на материале английского, русского и немецкого языков). – Тамбов: Изд-во ТГПИ, 1988. – 54 с; Г о л ь д б е р г В. Б. Динамическая модель ЛСГ (на материале ЛСГ “Целесообразная деятельность” в русском и английском языках) // Структурно-семантические исследования русского языка: Сб. статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С. 81 – 92.
6. А н т о м о н о в А. Ю. Исследование структурной организации лексико-семантического поля: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – К., 1987. – 16 с.